Эсхатологические мифы

эсхатологические мифы (от древнегреч. εσχατος, «последний»), мифы о предстоящем конце мира. В противоположность большей части мифов, повествующих о важнейших событиях прошлого — времени мифологического, Э. м. содержат пророчества о будущем конце света.

Космогонические и этиологические мифы составляли главное содержание архаичных мифологий; Э. м. отсутствовали у народов, сохранявших первобытный уклад жизни и культуру. Для архаичных мифологий характерно представление о катастрофе, отделяющей мифические времена от настоящего: о потопе, пожаре, гибели поколения великанов (нартов, онаров и т. п.), обитавших на земле до появления человечества.

Не будучи собственно эсхатологическими, эти мифы допускали возможность мировых катастроф. Вместе с тем представления о гибели мира подготавливаются в архаичных мифологиях календарными мифами о смерти и воскресении природы, о силах хаоса, злых духах и чудовищах, угрожающих существованию космоса (в чем усматривается один из факторов формирования этического учения о борьбе добра и зла), а также мифами о смерти и загробном мире.

К календарным мифам восходят, по-видимому, представления о космических циклах — периодах становления и гибели мира, известных уже архаичным мифологиям. Более актуальными для человечества были Э. м. науа, ацтеков и др. (см. в статье Индейцев Центральной Америки мифология) о циклических эпохах четырёх солнц: гибель солнца, воплощения стабильности космоса, означала конец мира, поэтому силы солнца и богов необходимо было поддерживать регулярными кровавыми жертвоприношениями, призванными отсрочить очередную катастрофу, землетрясение и голод, от которых погибнут люди.

Здесь, как и в первобытном обществе, ритуал оказывается средством гармонизации жизни вселенной и человечества, гарантом их долговечности. Этическая оценка мировой катастрофы прослеживается в эсхатологизированной германо-скандинавской мифологии, отражавшей в поздний период своего развития гибель родовых устоев.

Эсхатологическое «Прорицание вёльвы» повествует о клятвах, попранных самими богами; и на земле в последний век «бурь и мечей» братья станут убивать друг друга из корысти, близкие родичи погибнут в распрях и т. д., пока не наступит день «судьбы богов» (см. Рагнарёк). Наиболее последовательное представление о космических циклах гибели и обновления мира даёт индуистская мифология: вселенная погибает (пралая — гибель мира и богов), когда засыпает Брахма и наступает его ночь; с наступлением дня бог вновь творит вселенную.

Однако индуистской мифологии, особенно на позднем этапе её развития, присущи и представления о постепенном упадке добродетели людей от критаюги — золотого века — до современной калиюги, во время которой возобладает порок, в мире сохранится лишь четверть дхармы, смешаются варны, прекратятся религиозные обряды, править будут жестокие чужеземцы, и которая завершится гибелью мира в огне, поднявшемся со дна океана. С этими эсхатологическими мотивами связано и представление о грядущем судии и спасителе человечества Калкине.

Однако цикличность гибели и обновления вселенной лишает эсхатологию конечного смысла: показательно, что вселенная мыслится в позднем индуизме вообще как результат игры бога Вишну. Известную аналогию индуистскому учению о югах представляет античная концепция смены четырёх веков (Гесиод, Овидий).

См. в статье Золотой век. Представления о полной подчинённости судеб человечества безличным космическим циклам, равно как и о включённости рода и индивида во вселенский процесс обновления через смерть, были нарушены социальными сдвигами, кризисом архаичных устоев с возникновением огромных империй, подчинением общины и человека деспотической власти, чувством социальной нестабильности, которая, согласно Э. м., угрожала и стабильности космоса.

Поиски выхода из безразличного к людским судьбам вселенского кругооборота вели в иной внеприродный мир, были направлены на обретение сверхчувственного состояния — буддийской нирваны, или на достижение вечного блаженства в загробном мире, как в египетской мифологии. В связи с обостряющимся чувством преходящести бытия и историчности мира актуализировались и Э. м.

Архаичное стремление укрепить стабильность космоса ритуальными средствами сменяется напряженным ожиданием окончательной вселенской катастрофы,

призванной принести избавление от бед этого мира. Особой завершённости этот процесс достиг в иранской мифологии.

Иранские Э. м. повлияли на развитие аналогичных сюжетов в иудаистической мифологии и христианской мифологии. Христианская апокалиптика унаследовала мессианские идеи иудаизма, но преодолела его национальную ограниченность.

Ожидание спасения становилось всё более настойчивым среди разнонациональных угнетённых низов Римской империи. На протяжении мировой истории, особенно в периоды социальных кризисов, Э. м. актуализировались и развивались в пророчествах Мани, комментариях Талмуда, в учениях эпохи Реформации и русского раскола XVII—XVIII вв. (раскольники верили, что уже настали последние времена и пришел антихрист, каковым считали и Петра I), некоторых современных христианских сект (адвентисты, иеговисты), обещавших спасение своим приверженцам, вплоть до философских и культурологических концепций Н. Бердяева и О. Шпенглера.

В колониальную эпоху, с распространением мировых религий среди порабощённых народов идеи спасения, освобождения от колониального ига, породили новый всплеск эсхатологического мифотворчества. При этом мессианские идеи могли быть просто приспособлены к местным верованиям и оказали лишь поверхностное воздействие на традиционную мифологию. С середины XIX в. оживление эсхатологических идей наблюдалось в странах, где начало бурно расти антиколониальное движение, которое на первых порах почти повсеместно облекалось в религиозную форму (во главе движения становились местные «пророки»).